

Серия
«ВОЛЬНЫЙ СТРЕЛОК»

Остросюжетные детективы

Вся серия
«ВОЛЬНЫЙ СТРЕЛОК»

Победителю достанется смерть
Беги от меня
Три маски Кардинала
Келья с видом на ад
Побег из сентября
Наследники «Капеллы»
Двумя именами меньше
Лекарство от молодости
Несвятое семейство
Танец гюрзы
Божий одуванчик
Фейерверки смерти
Ассенизаторы душ
Мыс Доброй Надежды
Киллер рядом — к покойнику
Дочки-мачехи
Последняя охота
Игра вслепую
Дальневосточный синдром

Острозубые детективы

Серия «Вольный стрелок»

Михаил
СЕРЕГИН

ИГРА ВСЛЕПУЮ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-2Рус)6
С32

Серегин, М.
С32 Игра вслепую / М. Серегин. — М. : Научная книга / RUGRAM, 2021. — 256 с. — (Эхо девяностых).

ISBN 978-5-521-76111-1

Зловещая тень беспредела нависла над городом. На свободу по амнистии вышла банда отморозка Лекаря. Кровавые подвиги банды парализуют город: гремят взрывы, льется кровь, гибнут люди... Кажется, что некому остановить беспредельщиков. Но тут на их пути встает одиночка — Влад Свиридов, бывший «государственный киллер» из спецназа ГРУ, матерый хищник, не привыкший отступать. Лекарь держит в бассейне акул. Тем лучше — Влад обеспечит им постоянную кормежку и даже приготовит кое-что на закуску...

BIC FH
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76111-1

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Старый шут в колпаке с погремушками жадно смотрит слепыми глазами, он играет пустыми игрушками: верой, нежностью, болью и завистью, расплетает букет с незабудками и катает по блюду горошины, и смеется так звонко, как будто бы в его мире так много хорошего.

Пролог

О солнце, пиве, кефире и немножко нервно

— Афанасий, я больше не могу смотреть на солнце.

— Ну так не смотри. Закрой глаза.

— Да я даже когда закрываю глаза, надеваю солнечные очки, закрываю лицо ладонью и к тому же отворачиваюсь, все равно не могу больше чувствовать, как это узкоглазое местное светило, едри его в душу, шарит у меня в затылке. Как будто вижу.

— Почему узкоглазое, Влад? — спросил Афанасий.

— Ну как же... а, ну да. Я просто все время забываю, что мы уже уехали из Караганды. Что мы уже в Волгограде. По крайней мере, ты так говоришь, а я привык тебе верить.

С этими словами Влад отхлебнул пива из бутылки, только что цепко выхваченной из руки Фокина.

Фокину тоже было не по себе: его мучило жуткое похмелье, он вообще нашел себя только под утро в какой-то городской подворотне, хотя совершенно точно помнил, что он поехал на дачу к своему боссу. Что было на даче, Афанасий не помнил совершенно, но в голове плотно укоренилось мутное, трясущееся, как загустевший до желе овсяный кисель, и такое же серое и блеклое впечатление, — что все было жутко.

Жутко напился. Жутко безобразничал. Даже автопилот, на котором Афанасий, собственно, и добрался — непостижимым образом — до города, даже автопилот вел себя жутко и безобразно. Иначе упомянутый автопилот не зарулил бы Афоню в самую грязную и наповал благоухающую помойкой подворотню. Во рту Афанась Сергеевича традиционно ночевал табун грязных диких лошадей, не способных проржать слово «гигиена». К тому же у Афанасия была рассечена голова, и привычный к таким вещам Фокин установил, что, верно, кто-то из лучших побуждений хватил его бутылкой по черепу.

Теперь страдалец пил пиво; вот оно-то только что и было вырвано из его руки Владом Свиридовым.

Афанасий укоризненно посмотрел на Свиридова, который сидел на балконе, раскачиваясь на колченогом табурете туда-сюда. На переносице Влада были темные солнцезащитные очки, кроме того, он находился в тени и вовсе не подвергался воздействию солнца, что, однако же, не мешало ему жаловаться на якобы палящие лучи.

...Впрочем, нет: Фокин посмотрел на Свиридова отнюдь не укоризненно. Вовсе нет. Фокин смотрел

на Свиридова неисчислимое количество раз в продолжение их многолетнего знакомства, смотрел по-разному — с надеждой, с недоумением, с сожалением, с гневом. С любовью. Было и такое, чтобы Фокин смотрел на своего лучшего и единственного друга со страхом или вовсе — с ненавистью. Дорога жизни изобиловала ухабами, рытвинами, подкидывала и переворачивала Афанасия и Влада, и каждый раз они оказывались в новом соотношении друг с другом. Были и соперниками, и даже — на время — врагами. Было и так, что Фокин смотрел на пробивного и на определенном промежутке биографии невероятно везучего друга с завистью. Например, когда два с небольшим года назад Фокин работал дворником при прокуратуре одного из московских округов и узнал в человеке, который чуть ли не ногой открыл дверь в кабинет прокурора, — в этом человеке он узнал Влада Свиридова, который на тот момент был одним из руководителей службы безопасности олигарха Маневского, ныне комфортно сидящего в испанской тюрьме.

С тех пор утекло много воды. Но никогда еще Фокин не обнаруживал в своем взгляде то, что так явно плескалось в нем сейчас.

Жалость.

Дикую, щемящую жалость, замешанную на боли, на жутком недоумении, даже на страхе. Страхе перед будущим. Фокин посмотрел на Свиридова так, как отец смотрит на своего больного ребенка. Свиридов сидел, раскачиваясь туда-сюда и придерживаясь рукой за стену, и пил пиво, время от времени бормоча что-то о противном волгоградском солнце.

— Ты знаешь, Влад, — наконец сказал он, — может, не стоит тебе пиво пить в духотище-то?

— А что мне еще делать? — буркнул Свиридов. — Прохладные палаты нейрохирургии и роскошные специалисты типа того же доктора Либера кончились вместе с денежками, которыми мы все это медицинское роскошество оплачивали. Так что мне теперь...

— Не надо так говорить, — произнес Фокин, — в конце концов, ты же мужик, а не рыхлая груда тряпья.

— Последней я чувствую себя как-то чаще.

— Перестань! У тебя сын. Ты должен подумать о нем. В конце концов, держи себя в норме. Я заработаю нужные деньги, мы долечим тебя, и все будет хорошо!

— Ты уже говоришь так почти полгода... или сколько там прошло, — пробормотал Свиридов. — И всякий раз оказывается, что ты...

— Не малодушничай, Свиридов. Ты прямо... раскис ты, Володька. К тому же я тебе говорил, что у меня вскоре наклеывается одна вот такая махинация, — Афанасий неопределенно покрутил в воздухе указательным пальцем, — и на ней можно хорошо зарабатывать. Мой босс, Иван Ильич Данилин, харроший, между прочим, мужик... так вот он меня на повышение будет двигать. Я теперь в охране работать буду, а не столяром. Заработаю.

— С чего ты так решил?

— Я же говорю, дело есть.

— А что за дело?

— Да так. В Москву надо скататься, отвезти кое-что. Вот так. Данилин... В общем, я думаю, если все выгорит — а оно выгорит! — тебе на операцию хватить

должно. А то не дело это, чтобы ты вот так бессмысленно...

— Ну, это я уже слышал. Насчет того, что мне хватит на операцию.

Фокин передернул плечами и решительно проговорил:

— А вообще у тебя портится характер, Свиридов. Надо вытаскивать тебя на свет божий. А то ты безвылазно сидишь в этой квартирке уже три месяца. Так любовью завшивеет. Бороду ты хоть бы сбрил.

— Не хочу. Я с этой бородой на Гомера похожу.

Фокин повернулся на пятках на сто восемьдесят градусов и, грохнув балконной дверью, в сердцах выговорил:

— На Гомера, Мильтона... тогда уж скорее на Паниковского!!

В комнате Афанасий наткнулся на ставшую столь же привычной, как пьяный и обросший бородой Свиридов на балконе, картину: Михал Иваныч Буркин, двоюродный брат Фокина и бывший тесть Свиридова, надсадно кашляя и хватаясь за перехватившие грудь бинты, читает газету, шаря рукой за с недавних пор ставшее морщинистым горло, бормочет что-то себе под нос, время от времени толкая ногой детский манеж, По манежу лазал, спешно семеня ножками, полугодовалый малыш в голубых ползунках и заправленных в них памперсах.

Михаил Иваныч шелестел газетой и гнусаво напевал под нос:

— Мы сби-ижили из зон-ны, за-амачив вертухая-а... мы сби-ижили из зон-ны, па-а-акати все шаррром!..

Афанасий Сергеич тяжело вздохнул. Вокальная школа Михаила Ивановича Буркина ложилась на слух примерно так же, как гусеницы тяжелого танка «Климент Ворошилов-2» на свежееасфальтированную дорогу. Впрочем, при появлении Фокина Михал Иваныч прекратил петь и, вздернув голову и закашлявшись, выговорил:

— А... братан. Ты вот что. У этого... у Димка опять памперсы кончились. Здоровый уж, а все тово... ссыт-ся. И еще кефира купи. И молока. Он же, паразит, жрать все время просит, а пива еще не пьет. Да, кстати, чуть не забыл — и пива купи. Погоди... у меня пагер запел. Это, наверно, лифтер Толька снова балуется.

Михал Иваныч с щедрот Афанасия недавно обзавелся подержанным пейджером (pager — Михал Иваныч так и титуловал его по буквам: пагер) и теперь вел себя как совершенный ребенок, даже не тянувший на тинейджера: в промежутках между распитием пива и чтением газет он крутил в руках этот многострадальный черный коробок с кнопками, путал его с тамагочи, что-то списывал с экрана на бумажечку. Просил всех своих немногочисленных знакомых в Волгограде скидывать ему сообщения. Так как среди знакомых доминировали лифтер Толька и слесарь Кукин, но сообщения приходили примерно следующего содержания: «Сдал бутылки. Три портвейна взял», «Иваныч, меня старуха отколотила шумовкой за то, что я пропил ее вставную челюсть», а однажды даже нечто апокалиптическое: «Дикие лошади заработали горячие деньги».

Впервые в жизни получив в руки личное средство современной связи, Михал Иваныч наслаждался жизнью